

BODILY IMPERFECTION AND WORLD DISHARMONY

DOI 10.15826/qr.2019.1.368

УДК 398.21+314.44+616-036.865+801.81:398.21

НЕМОТА И РЕЧЕВЫЕ АНОМАЛИИ ГЕРОЕВ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ*

Варвара Добровольская

Государственный российский дом народного творчества

им. В. Д. Поленова,

Москва, Россия

THE MUTENESS AND SPEECH ANOMALIES OF CHARACTERS IN RUSSIAN FAIRYTALES

Varvara Dobrovolskaya

V. D. Polenov State Russian House of Folk Art,

Moscow, Russia

This article considers representations of disability in Russian fairytales. More particularly, the author focuses on anomalies of speech and muteness in fairytale characters. The article refers to classic collections of Russian fairytales, regional publications of the 20th and 21st centuries, and archival records of field materials. Considering the intricate genre interaction, multi-functionality, and correspondence of literary and oral traditions, the author makes an attempt to reveal the peculiarities of the representation of disability in Russian fairytales and folklore tradition. She demonstrates that contrary to other disabilities, muteness in fairytales is always imaginary or simulated. The inability of characters to speak is either a means of disguise, a way to hide their true nature, or a form of ritual behaviour necessary to carry out a magical act. Upon achieving the desired result, the characters begin to speak. Using elements of everyday or ritual practices, fairytale fantasy tends to change or intensify them. When it comes to speech, it copies the

* Исследование осуществлено при поддержке РГНФ (проект № 16–01–00145 ОГН «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России») и РФФИ (проект № 17–01–00001 «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями в России»).

** *Citation:* Dobrovolskaya, V. (2019). The Muteness and Speech Anomalies of Characters in Russian Fairytales. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 140–154. DOI 10.15826/qr.2019.1.368.

Цитирование: Dobrovolskaya V. The Muteness and Speech Anomalies of Characters in Russian Fairytales // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 140–154. DOI 10.15826/qr.2019.1.368 / Добровольская В. Немота и речевые аномалии героев в русских волшебных сказках // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 140–154. DOI 10.15826/qr.2019.1.368.

ritual and only changes the context and manner of the deed. A prohibition against speaking is only actualised when the characters find themselves in another world and when they have to communicate with supernatural forces. Both in life and in fairytales, silence is regarded as a form of universal protection and as a prerequisite for the successful implementation of a specified task. In fairytales, the imitation of muteness is always a voluntary act and silence is a choice of the character. In case of speech, it is the inability to speak which is the driving force of the plot: a silent fool defeats the serpent and liberates the tsarevna, while a numb beauty uses nettles to knit shirts and thus returns to her brothers their real appearance. In this case, muteness signifies that the characters have been chosen for their mission because of their capacity to perform a magical feat. Other forms of disability usually result from actions of the character's enemy and are a real loss which cannot be repaired.

Keywords: folklore; Russian fairy tales; muteness; speech anomalies; disability.

Рассматриваются проблемы, связанные с репрезентацией инвалидности в русской волшебной сказке. Особое внимание уделяется речевым аномалиям и немоте сказочных героев. Источниками исследования послужили классические сборники русских волшебных сказок, региональные публикации XX – начала XXI в., а также архивные записи. С учетом межжанрового взаимодействия, полифункциональности и взаимодействия книжной и устной традиции выявляются особенности репрезентации инвалидности в русских волшебных сказках. Показано, что немота в сказках, в отличие от других типов инвалидности, всегда является мнимой, имитируемой. Неспособность героя говорить выступает либо средством маскировки, способом скрыть свою истинную природу, либо формой ритуального поведения, необходимого для совершения магического действия. Как только герой или героиня достигают желаемого результата, они начинают говорить. Сказочная фантастика, используя элементы бытовых или обрядовых практик, в ряде случаев старается их изменить или усилить. В случае же с речью она практически полностью копирует ритуал, изменяя лишь контекст и форму его совершения. Запрет разговаривать актуализируется тогда, когда персонаж оказывается в ином мире, когда ему необходимо установить связь с потусторонними силами. Молчание как в жизни, так и в сказке рассматривается как форма универсального оберега и в то же время как условие успешного выполнения определенной работы. В сказках имитация немоты – всегда добровольное действие, молчание – выбор самого персонажа. В случае с речью именно невозможность говорить является основой развития действия: молчащий герой-дурачок побеждает змея и освобождает царевну, а немая красавица изготавливает рубашки из крапивы и возвращает братьям их истинный облик. Немота в данном случае выступает знаком некой избранности героев, их способности к сказочному подвигу. Другие же формы инвалидности обычно оказываются результатом действий противников героя и становятся реальной утратой, которую необходимо устранить.

Ключевые слова: фольклор; русская волшебная сказка; немота; речевые аномалии; инвалидность.

Доминантной темой исследований репрезентации инвалидов в фольклоре являются слепота [Толстая, 2007, с. 409–419; Михайлова, с. 132–156; Ясинская, 2014, с. 47–57] или глухота [Невская, с. 106–107; Толстая, 2008, с. 134–173]. Основное внимание в них обычно сосредоточивается на текстах мифологической и религиозной народной прозы, в предписаниях, нормативах и паремических перформативах [Ясинская, 2013, с. 79–89; Ясинская, 2016, с. 594–596], в которых слепота или глухота становятся знаковой чертой мифологического персонажа, его отличительным свойством [Неклюдов, 1979, с. 133–141; Неклюдов, 2014, с. 125–147; Махов, с. 335–340], а также результатом проклятия или нарушения запрета [Ясинская, 2013, с. 79–89; Ясинская, 2016, с. 594–596], совершения неправильного поступка [Амосова, с. 306–316] или святотатства [Добровольская, 1997, с. 76–88; Добровольская, 1999, с. 500–512; Мороз, с. 177–185; Фадеева, 2003, с. 123–126].

В народном мировоззрении отношение к физическим недостаткам человека (а не мифологического персонажа) имеет двойственный, амбивалентный характер. Физическая или психическая неполноценность – это Божья кара, с одной стороны, или некий знак избранности, указание на принадлежность к группе «знающих», связь с иным миром, наличие особых сакральных знаний – с другой. Именно к такому человеку принято было обращаться за помощью и советом. Не случайно считалось, что наиболее точные предсказания делают слепые предсказатели, лучше всего лечат люди с физическими недостатками (феномен юродства). Такое отношение закреплено в пословицах «Умудряет Бог слепца», «Слепец духом прозревает» и т. д. Способностью к прорицанию в русской традиции наделяются «божьи люди», необычный внешний вид (различные телесные аномалии) и поведение (психические аномалии) которых выступают своеобразным указанием на то, что данный человек предсказывает судьбу [Иванова, с. 187–199; Фадеева, 2004, с. 200–217; Шеваренкова, с. 247–253; Добровольская, 2000, с. 137–152; Добровольская, 2001, с. 95–105].

При этом если слепота, глухота и различные виды телесных увечий представлены в русской фольклорной традиции довольно разнообразно, то немота – явление довольно редкое. И это не случайно. Немота в фольклоре практически идентична молчанию, которое само по себе может быть формой ритуального поведения (см. ниже). Невозможность говорить – это своеобразный знак принадлежности к иному миру, к сверхъестественным силам, к опасным, знающим с нечистой силой людям.

Немой или отказавшийся от речи человек воспринимается как чужой. Ряд реализаций этого представления связан, например, с попаданием в чужой дом. Традиционно в повседневной жизни человек, входя в дом, здоровался с хозяевами и начинал разговор первым. Таким образом чужой для данного дома, заговорив, разрушал границу своей «чужести». Если же пришедший входил с определенными

ритуальными целями, то он не заговаривал с хозяевами, подчеркивая молчанием свою инаковость, устанавливая границы между чужим и своим для данного дома мирами, которую должны были в этом случае разрушить разговором именно хозяева. Например, в Тверской области был распространен способ гадания, во время которого девушка, войдя в дом соседей, должна была молчать до тех пор, пока ей не назовут какое-нибудь мужское имя, которое рассматривалось как имя ее будущего мужа. Только после этого она здоровалась с хозяевами и могла вступить с ними в беседу [Архив ГЦРФ. Колл. 69–14–2015]. Молчание в этом случае маркирует девушку как существо иного, чужого мира, и лишь речь возвращает ее в мир «своих». Подобная ситуация была и с молчанием сватов. Во Владимирской области, как, впрочем, и в ряде других регионов России, приходя в дом потенциальной невесты, сваты молчали и начинали говорить лишь тогда, когда с ними заговаривали хозяева [Там же. Колл. 33–3–2002].

Молчание характерно для поведения ряженых, окружения роженицы, тех, кто делал гроб или обмывал покойника, то есть запрет на разговор актуализировался в момент разрыва границ между мирами и возможного контакта с иным миром [Агапкина, с. 292–296]. Однако в данном случае речь идет о молчании как добровольно принятой на себя форме поведения.

Немота физическая расценивается как знак Божьего наказания за неправильное поведение, святотатство или колдовство. Задержка развития речи у детей – это наказание за грехи родителей. И даже молчаливость человека, связанная с особенностями его характера, может в традиционной культуре рассматриваться как результат воздействия нечистой силы. Так, во Владимирской области, если вдова после смерти мужа становилась излишне, с точки зрения деревенского социума, молчаливой, это считалось верным признаком того, что к ней летает огненный змей [Архив ГЦРФ. Колл. 33–14–2007].

Негативное отношение к немоте и молчанию реализуется в русских волшебных сказках. Вопреки общепринятому мнению о том, что в сказках все положительные персонажи прекрасны, а физические недостатки могут иметь только отрицательные герои, поскольку «многообразные уроды и уродцы... выступают эмблемой отрицательных качеств, собирательным образом зла» [Ярская-Смирнова, Романов, с. 295], это не совсем так. Реальная инвалидность в русских волшебных сказках – явление относительно редкое и почти всегда связанное именно с положительными героями, утратившими конечности или зрение («Слепой и безногий» [СУС 519]; «Правда и Кривда» [СУС 613], «Безручка» [СУС 706]). Безусловно, существуют второстепенные персонажи, страдающие тем или иным недугом: царь-отец, который ослеп от старости и нуждается в молодильных яблоках и живой воде, царевны, страдающие от неизвестной болезни, которую не могут вылечить самые мудрые доктора, но удастся простому солдату, и т. д. Есть в этом списке больных и отрицательный персонаж –

неверная жена героя (сказка «Рога» [СУС 566]). Однако ее болезнь – типичный пример наказания за неправильное поведение. Герой, обманутый царевной, попадает в лес и находит там чудесные плоды. Съев одну их разновидность, он обнаруживает, что у него вырастают рога, а от другой они отваливаются. Первыми плодами герой угощает неверную жену, а потом лечит ее от физического уродства второй разновидностью.

Однако существенно чаще в сказках встречается мнимая увечность, когда герой по той или иной причине имитирует недуг. В этом случае задействуются другие типы инвалидности. Это может быть просто некая болезнь, при которой персонаж должен лежать. Так, в сказках сестра героя прикидывается, что лишилась возможности ходить, потому что она тяжело больна («Звериное молоко» [СУС 315]). Девушка имитирует болезнь по наущению противника героя:

— А ты, – говорит, – заболей, как будто сухота; а брат придет, скажи, что вот отец башню работал – зайти, а не выйти, так мне бы с той башни опилочков... [Балашов, № 56].

Прислушавшись к советам, сестра героя прикидывается тяжело больной:

И на другое утро, когда он пришел, сестра лежала уже в постели, совершенно притворяясь, как будто чуть жива... притворилась больной и слегла в постель, чуть едва в сознании уже лежа [Ковалев, № 17, 18].

Брат для ее излечения должен добыть молоко медведя, волка или льва, яблок, груш или «опилочков», которые находятся в отдаленном опасном месте. В данном случае болезнь является поводом для отсылки героя из дома для того, чтобы он погиб, а инвалидность – симитированной.

Однако чаще в сказках имитируют недуг положительные персонажи, и не случайно мнимая болезнь таких героев связана с немотой или речевыми нарушениями. Герой сказки практически всегда оказывается на границе миров, в ситуации, когда он должен скрывать свою истинную сущность. Полная или частичная немота становится средством маскировки героя, своеобразного обособления и дистанцирования от людей. Наиболее ярко такая мнимая полунемота реализуется в сказках сюжетного типа («Незнайка» [СУС 532]). В вариантах данного сюжета герой имитирует не только полунемоту, но и вызывающую ее умственную неполноценность. Несоответствие нормам поведения подкрепляется внешним обликом героя, который с помощью внутренностей животных, смолы, сена, мусора и других средств симулирует кожные заболевания. Они должны вызвать к нему сострадание, но, с другой стороны, заставить окружающих удалить его от себя, что и происходит в сказке.

Герой отправлен на работу в сад. Сад в сказке – это некая пограничная территория, место нахождения чудесных диковинок и прекрасных женщин, но в то же время это место разрушения границы, доступное для проникновения представителей другого мира. Отсюда Змей или Вихрь уносят прекрасную царевну, герой похищает молодильные яблоки и живую воду, злая ведьма превращается в белую уточку или рысь, наконец, это место чудесного зачатия: «ветер заваял, ей подол подынул-ся, и она понесла. Сына родила, Ивана Ветровича» [Ончуков, № 107]. Как видим, сад – это пограничное пространство, действуя в котором, герой обособляет себя от остальных жителей царства (подробнее о пограничной семантике сада см.: ([Добровольская 2017, с. 5–19]).

Демонстрируя свою инаковость, герой дистанцируется от других жителей царства, показывая своим обликом некую принадлежность к иномирным существам. После ряда испытаний он получает особые способности. Иногда изменение внешности может быть связано с колдовством чудесного помощника героя – его волшебного коня. Герой пролезает между ног коня и становится «страшным, лохматым, в коростах» [Красноженова, № 16], «страшным, нехорошим, зеленым» [Анисимова, с. 60–69]. Но даже в тех вариантах сказки, где герой не меняет свою внешность, а только скрывает свой истинный облик под нищенской одеждой, его полунемота является своеобразным подтверждением умственной неполноценности. От простака и недопеты, который на все вопросы отвечает «Не знаю» или «Зеленый», никто не ждет, что он царский сын и прекрасный воин:

Все люди гуляют, пляшут, барабаны бьют, а Незнайка в своей беседке сидит. Она приходит.

– Незнайка, пойдём на пир.

– Не знаю.

– Я тебе сюда принесу чего?

– Не знаю.

Принесла четверть водки, закуски.

– Незнаюшка, пей, ешь!

Она ушла, он из горлышка выпил, покушал, опять посиживает.

Она пришла опять, глядит – четверть выпита и разбита.

– Незнаюшка, это ты покушал?

– Не знаю.

– Кто выпил?

– Не знаю.

– Кто четверть разбил?

– Не знаю.

Так и ушла [Королькова, с. 98–107].

Такое поведение очень близко к поведению юродивого, который довольно часто «пользуется немотой, повторением слов своего собеседника, заумью...» [Толстой, с. 490]. Немота, непонятная боль-

шинству речь выступает своеобразным признаком сакральности, принадлежности к другому миру (ср. «не от мира сего»), благодаря которой сказочный герой противопоставляет себя всем остальным людям, позиционирует себя как «другой», чужой персонаж.

Кучер кричит: «Вороти!» – А он отвечает: «Не знаю». – «Кто ты?» – «Не знаю». – «Человек ли?» – «Не знаю». <...> Дали ему двадцать пять нагаек, а ему через кожан-то и не больно [Сказки и предания Северного края, № 47].

Такое поведение позволяет герою скрыть и свое истинное происхождение, и особые внешние данные (золотые кудри), и необыкновенную силу. Появись он при дворе царя с золотыми кудрями и в богатырском облачении, он тоже бы рассматривался как чужой, но от него бы и ждали подвига, подобающего таинственному воину. От большого калеки подвига не ждут. Традиция позволяет считать, что у подобного человека не может быть никаких необычных способностей, но логика сказочного повествования, напротив, указывает на то, что именно такой «ущербный» герой обладает целым рядом необычных качеств, имеет чудесного помощника, связанного с иным миром, и способен совершать подвиги. Именно это и увидела в Незнайке любимая царская дочь, которая из всех потенциальных женихов выбрала полунемого калеку.

Вот приходит очередь и до третьей дочери. Но она в последний раз все-таки принесла пищу Незнайку. И говорит: «А может, ты меня спасешь от съедения змея. Ведь у тебя же есть сила необыкновенная». А Незнайко все время говорил одно слово: «Не знаю», – и царевна ушла от него. Когда повезли царевну, то Незнайко обратно оседлал своего коня и помчался вперед. <...> Но он каждый раз переряжался, и его нельзя было узнать, делался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать, красоты неописанной. И как увидела царевна такого красавца-богатыря, то сразу влюбилась в его... И вот он такой неимоверной силы удар нанес, что сразу снес шесть голов... расвирепел как лев и нанес такой сильный удар, что снес ему своей саблей последние шесть башок [Ковалев, № 15].

Как видно из приведенных примеров, змея может победить только могучий богатырь, скрывающийся под маской полунемого дурачка.

Еще одна функция имитации немоты направлена на спасение кого-либо. Здесь молчание – это своеобразная форма магического запрета. Наиболее характерным примером в данном случае является сюжетный тип [СУС 451] («Братья-вороны (лебеди, волки)').

Этот сюжет широко известен в европейской традиции, преимущественно по сказкам из сборников братьев Гримм «Двенадцать братьев» / *Die zwölf Brüder* [Гримм, с. 277–278, № 10] и Г. Х. Андерсена «Дикие лебеди» / *De vilde Svaner* [Andersen, Bd. I, S. 403]. Для европейских версий данного сюжета характерны проклятие отца или не-

осторожность сестры (уронила рубашки братьев в море, сорвала лилии в саду и т. п.), хотя в ряде текстов встречается колдовство мачехи. В европейской традиции известны случаи использования данного сюжета в литературе [Hilka; Basile, № 4.8]. Наиболее распространен он в скандинавских странах [Winther; Grundtvig], Франции и Германии. Скорее всего, именно оттуда сказка стала известна в России. Она не относится к ядру русской сказочной традиции¹.

Наиболее показательными для русской сказочной традиции являются сказки данного сюжетного типа, записанные от И. Ф. Ковалева, Е. В. Рохмистовой, М. Н. Лешуковой и А. К. Барышниковой (Куприяники). Несмотря на то, что в ряде случаев (например, у Барышниковой и Ковалева) тексты, бесспорно, восходят к сказке братьев Grimm (по свидетельству сказочников, Ковалев узнал текст в германском плену, Барышниковой прочитала сказку дочка), в них есть ряд мотивов, не свойственных немецкому оригиналу. Это же характерно и для других вариантов данного сюжета. Сказочники вводят в свои тексты формулы и мотивы, свойственные русской традиции: «Руського духа слыхом не слыхала и видом не видала, а теперь руський дух сам пришел. Я тебя нараз съем» [Ковалев, № 28]. В сказке Рохмистовой сыновья говорят матери, что в случае рождения брата не вернуться домой. Знаком рождения девочки должна стать прялка на воротах. Родив дочь, женщина «положила прялицу на ворота, а Яга-баба пришла, сняла прялицу, положила ружье на ворота» [Сказки Поморья, № 59]. Появляется и мотив нарушения запрета. Героиня не должна целовать братьев в губы, а она «не стерпела, в губы их и поцеловала» [Сказки и предания Северного края, № 136].

Братья могут быть превращены в птиц из-за того, что их заколдовала мачеха:

...Послала своих одиннадцать сынов в баню мыться и велела, чтоб они надели все по рубашке, когда вымоются в бане. И как только они одели на себя рубашки, то вдруг превратились в одиннадцать лебедей и полетели, и сами не знали, куда их несла неведомая сила [Ковалев, № 28].

Или это сделала колдунья:

Эта колдунья и превратила их в черных воронов. А Господь-то не допустил, чтобы они черными воронами были. Они день-то летали по крыше черными воронами, а на утро-то превратились белыми лебедями [Судогда, № 22].

¹ Известно 11 русских вариантов согласно указателю сюжетов [СУС]. Однако ряд текстов не принадлежат к рассматриваемому сюжетному типу. Так, текст из сборника Ончукова о Настасье Прекрасной и Егибихе является вариантом сюжетного типа «Царевна и служанка» [СУС 437]. С другой стороны, ряд вариантов этой сказки находится в архивных собраниях. Так, на Пудогге [АКФ. Колл. 6. № 41] и в Заонежье [АКФ. Колл. 88. № 2] были записаны сказки данного сюжетного типа, хранящиеся в архиве Карельского научного центра РАН.

Или же это происходит потому, что их сестра нарушила запрет. В любом случае девушка, чтобы спасти своих братьев и вернуть им человеческий облик, должна несколько лет имитировать немоту:

А когда ты перелетишь с ними, то на том острове найдешь жгучую крапиву и должна эту крапиву нарвать столько, чтобы ты могла из этой крапивы босыми ногами измять ее и связать одиннадцать панцырев. И ты будешь нема три года, ни с кем не должна говорить единого слова [Ковалев, № 28].

В данном случае мы имеем запрет, который представляет собой действие (молчание), являющееся формой ритуального поведения, соотносимого с иным миром, сферой потустороннего и смертью [Мир звучащий и молчащий; Дорохова, Жуланова, Пашина; Гилярова; Толстая 1999, с. 3–16; Миненок, с. 19–20; Агапкина 1999, с. 17–50]. Очевидно, что для того, чтобы расколдовать братьев, героиня должна соблюдать предписанный магией запрет. Однако персонажи сказки считают героиню немой.

Именно в этом сюжетном типе персонаж-инвалид воспринимается как опасное для обычных людей существо, как колдунья, способная причинить вред. Иногда сказочник просто отмечает, что немота героини вызывает к ней нелюбовь:

Она днем молчит и ночью молчит. Ну, ее и стали нелюбить. Все больше да больше не любят... Тут и согласились ее сожечь [Сказки и предания Северного края, № 136].

Реже сказочник приписывает своим персонажам представление о немоте как о признаке демонологического персонажа:

Твоя жена какая-нибудь колдунья, и ты с ней будешь несчастлив и, наверное, погибнешь. Ты должен ее засадить в темницу, если только она не будет говорить с тобой [Ковалев, № 28].

В этом сюжетном типе сказки героиня не имитирует увечье, она молчит для того, чтобы подействовала магия:

...Если бы я во время своей работы промолвила хотя бы единое слово, то все бы мои труды пропали, и братья бы мои остались навеки бы несчастными дикими лебедями [Там же].

Но окружающие все равно считают героиню немой, несмотря на очевидный магический характер ее действий, который понятен и самим сказочным персонажам, поскольку именно молчание и вязание из крапивы являются для них неоспоримым доказательством колдовства девушки.

Как видно из рассмотренных текстов, немота в сказках, в отличие от других типов инвалидности, всегда является мнимой, имитируемой. Неспособность говорить становится либо средством маскировки, способом скрыть свою истинную природу, либо формой ритуального поведения, необходимого для совершения магического действия. Как только герой или героиня достигают желаемого результата, они начинают говорить. Сказочная фантастика, используя элементы бытовых или обрядовых практик, в ряде случаев старается их изменить или усилить. В случае же с речью она практически полностью копирует ритуал, изменяя лишь контекст и форму его совершения. Запрет разговаривать актуализируется в сказке тогда, когда персонаж оказывается в ином мире, когда ему необходимо установить связь с потусторонними силами. Молчание как в жизни, так и в сказке рассматривается как форма универсального оберега и в то же время как условие успешного выполнения определенной работы. Если в случае с Незнашкой его полунемота защищает его от лишнего внимания, скрывает его истинную сущность, то в случае с возвращением братьям их истинного облика она становится именно требованием для успешного выполнения магического действия. Заметим также, что в сказках имитация немоты – всегда добровольное действие, молчание – выбор самого персонажа, в отличие от других форм инвалидности. В этом случае важна реальная утрата, которую необходимо устранить, что, собственно, и способствует развитию сюжета (Мишка Котомка ищет чудесный источник, чтобы вернуть ноги, Правда отправляется на поляну, где собираются черти, и узнает секрет целебных свойств росы, чтобы восстановить зрение, Безручка, скитаясь по лесу, находит чудесный колодец, вода из которого возвращает ей руки). В случае же с речью ситуация иная – именно невозможность говорить и является основой развития действия: молчащий герой-дурачок побеждает змея и освобождает царевну, а немая красавица изготавливает рубашки из крапивы и возвращает братьям их истинный облик. Немота здесь выступает знаком некой избранности героев, их способности к сказочному подвигу.

Список литературы

- Агапкина Т. А.* Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) // Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 1999. С. 17–50.
- Агапкина Т. А.* Молчание // Славянские древности : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). С. 292–296. АКФ (Пудожье). Колл. 6. № 41; (Заонежье). Колл. 88. № 2.
- Амосова С. Н.* «...Ну посыпать ей глаза» : Мотив наказания слепотой за работу в неурочное время // Сила взгляда : Глаза в мифологии и иконографии / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М. : РГГУ, 2014. С. 306–316.
- Анисимова А. П.* Песни и сказки Поимского района / под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Пенза : Пенз. книж. изд-во, 1948. 228 с.
- Архив ГЦРФ. Колл. 69–14–2015; 33–3–2002; 33–14–2007.

- Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря / отв. ред. Э. В. Померанцева. Л. : Наука, 1970. 448 с.
- Гилярова Н. Н.* Звук в традиционной народной культуре. М. : Научтехлитиздат, 2004. 253 с.
- Гримм Я., Гримм В.* Сказки : Эленбергская рукопись, 1810, с комментариями. М. : Книга, 1988. 447 с.
- Добровольская В. Е.* Несказочная проза о разрушении церквей // Славянская традиционная культура и современный мир / сост. В. Е. Добровольская. Вып. 2. М. : ГРЦРФ, 1997. С. 76–88.
- Добровольская В. Е.* Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор : Материалы и исследования. Т. 30 / отв. ред. А. Н. Розов. СПб. : Наука, 1999. С. 500–512.
- Добровольская В. Е.* Термин «местнотимый» в фольклорной традиции Северной Великороссии // Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия / сост. О. Г. Севан, Г. В. Судаков. Вологда : Легия, 2000. С. 137–152.
- Добровольская В. Е.* Народные представления о колдунах в несказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре : Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / сост. И. А. Морозов ; отв. ред. С. П. Бушкевич. М. : Лабиринт, 2001. С. 95–105.
- Добровольская В. Е.* Лес vs сад в русской волшебной сказке: сюжетная функция локусов // Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре : сб. науч. ст. / отв. ред. А. И. Смирнова, И. Н. Райкова. М. : МГПУ, 2017. С. 5–19.
- Дорохова Е. А., Жуланова Н. И., Пашина О. А.* Голос и ритуал. М. : ГИИ, 1995. 187 с.
- Иванова А. А.* Легенды о прозорливых Уржумского края // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / отв. ред. А. А. Иванова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 187–199.
- Ковалев И. Ф.* Сказки И. Ф. Ковалева / запись и коммент. Э. Гофман и С. Минц ; ред. Ю. М. Соколова. М. : Изд-во Гос. лит. музея, 1941. 358 с.
- Королькова А. Н.* Русские народные сказки : Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой / сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М. : Наука, 1969. 406 с.
- Красноженова М. В.* Сказки Красноярского края / под общ. ред. М. К. Азадовско-го и Н. П. Андреева. Л. : Худож. лит., 1937. 294 с.
- Махов А. Е.* Слепота и зрение // *Hostis antiquus* : Категории и образы средневековой христианской демонологии : опыт словаря. М. : Intrada, 2013. С. 335–340.
- Миненок Е. В.* Поверья о пении // Народное творчество. 1993. № 9. С. 19–20.
- Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 1999. 331 с.
- Михайлова К.* О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре // Язык культуры: семантика и грамматика : К 80-летию со дня рождения Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2004. С. 132–156.
- Мороз А. Б.* Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Уч. зап. Рос. православ. ун-та апостола Иоанна Бого- слова. 2000. Вып. 6. С. 177–185.
- Невская Л. Г.* «Слепота» и «глухота» в балто-славянской традиционной культуре и языке // Этническое и языковое самосознание / отв. ред. В. П. Нерознак. М. : Ин-т народов России, 1995. С. 106–107.
- Неклюдов С. Ю.* О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии : (К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина) / отв. ред. А. К. Байбури, К. В. Чистов. Л. : Наука, 1979. С. 133–141.
- Неклюдов С. Ю.* Слепота демона и ее литературные перспективы // Сила взгляда : Глаза в мифологии и иконографии / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М. : РГГУ, 2014. С. 125–147.

Ончуков Н. Е. Северные сказки : Архангельская и Олонецкая гт. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1908. 643 с.

Русские народные сказки Карельского Поморья / сост., вступ. ст. А. П. Разумовой и Г. И. Сенькиной. Петрозаводск : Карелия, 1974. 423 с.

Сказки и предания Северного края / запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой ; предисл. Ю. М. Соколова. М. ; Л. : Academia, 1934. 544 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л. : Наука, 1979. 438 с.

Толстая С. М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 1999. С. 3–16.

Толстая С. М. Глухой и слепой // Пространство слова : Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008. С. 134–174.

Толстой Н. И. Русское юродство как форма святости // Очерки славянского язычества / сост. и отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2003. С. 489–493.

Фадеева Л. В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2003. С. 123–126.

Фадеева Л. В. Рассказы о блаженных и прозорливых в Инзенском районе Ульяновской области: Катенька Пятинская // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / отв. ред. А. А. Иванова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 200–217.

Фольклор Судогодского края / сост. В. Е. Добровольская, И. А. Морозов, В. Г. Смолицкий. М. : ГРЦРФ, 1999. 336 с.

Шеваренкова Ю. М. Знаменитые блаженные Дивеевской земли // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Иванова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 247–254.

Ярская-Смирнова Е., Романов П. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в современном визуальном дискурсе // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант ; ЦСПГИ. 2009. С. 289–331.

Ясинская М. В. «Света белого не видеть...» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. № 2. 2013. С. 79–89.

Ясинская М. В. Глаза и зрение в языке и традиционной народной культуре славян // Славяноведение. № 6. 2014. С. 47–57.

Ясинская М. В. Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» : тр. и материалы / отв. ред. М. Л. Ремнева. М. : МАКС Пресс, 2016. С. 594–596.

Andersen H. C. Eventyr og Historier : in 16 Bind. Bd. I. København : Gyldendalske Boghandel, 1943. 412 S.

Basile V. Il Pentamerone Del Cauialier Giovan Battista Basile. Ouero Lo Cvnto de li Cvnte, Trattenemiento de li Peccerille... Napoli : Ad istanza di A. B. Libbaro all'Insegna della Sirena, 1674. 670 p.

Grundtvig S. Gamle danske Minder I Folkemunde. København : [S. n.], 1856. 158 S.

Hilka F. Sammlung mittellateinischer Texte. V. Heidelberg : Heidelberg Winter, 1913. 112 S.

Winther M. Danske Folkeeventyr. København : [S. n.], 1823. 126 S.

References

Agapkina, T. A. (1999). Zvukovoi obraz vremeni i rituala (na materiale vesennei obryadnosti slavyan) [The Sound Image of Time and Ritual (Based on Spring Rituals of the Slavs)]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Mir zvuchashchii i molchashchii. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan*. Moscow, Indrik, pp. 17–50.

Agapkina, T. A. (2004). Molchanie [Silence]. In Tolstoy, N. I. (Ed.). *Slavyanskije drevnosti v 5 t.* Vol. 3. K (Krug) – P (Perepelka). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 292–296.

AKF [Archive of the Institute of Language, Literature, and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. (Pudozh'e). Coll. 6. № 41; (Zaonezh'e). Coll. 88. № 2.

Amosova, S. N. (2014). "...Nu posypat' ei glaza": Motiv nakazaniya slepotoi za rabotu v neurochnoe vremya ["...They Will Sprinkle Her Eyes": The Motif of Punishment by Blindness for Working at the Wrong Time]. In Antonov, D. I. (Ed.). *Sila vzglyada: Glaza v mifologii i ikonografii.* Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 306–316.

Andersen, H. C. (1943). *Eventyr og Historier. In 16 Bind.*. København, Gyldendalske Boghandel. Bd. 1. 412 S.

Anisimova, A. P. (1948). *Pesni i skazki Poimskogo raiona* [Songs and Tales of Poim District] / ed. by V. M. Sidel'nikov. Penza, Penzinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 228 p.

Arkhiv GTSRF [Archive of the State Republican Centre of Russian Folklore]. Coll. 69–14–2015; 33–3–2002; 33–14–2007.

Balashov, D. M. (1970). *Skazki Terskogo berega Belogo morya* [Tales of the Tersky Coast of the White Sea] / ed. by E. V. Pomerantseva. Leningrad, Nauka. 448 p.

Barag, L. G., Berezovskii, I. P., Kabashnikov, K. P., Novikov, N. V. (Eds.). (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka* [Comparative Index of Plots. East Slavic Tales]. Leningrad, Nauka. 438 p.

Basile, B. (1674). *Il Pentamerone Del Cauallier Giovan Battista Basile. Ouero Lo Cunto de li Cunte, Trattenimento de li Peccerille...* Napoli, Ad istanza di A.B. Libbaro all'Insegna della Sirena. 670 p.

Dobrovol'skaya, V. E. (1997). Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvei [Non-fairytale Prose about the Destruction of Churches]. In Dobrovol'skaya, V. E. (Ed.). *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyyi mir.* Iss. 2. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 76–88.

Dobrovol'skaya, V. E. (1999). Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvei [Non-fairytale Prose about the Destruction of Churches]. In Rozov, A. N. (Ed.). *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya.* Vol. 30. St Petersburg, Nauka, pp. 500–512.

Dobrovol'skaya, V. E. (2000). Termin "mestnochtimyi" v fol'klornoi traditsii Severnoi Velikorossii [The Term "Locally Venerable" in the Folk Tradition of Northern Great Russia]. In Sevan, O. G., Sudakov, G. V. (Eds.). *Kul'tura Russkogo Severa v preddverii tret'ego tysyacheletiya.* Volgda, Legiya, pp. 137–152.

Dobrovol'skaya, V. E. (2001). Narodnye predstavleniya o koldunakh v neskazochnoi proze [Folk Ideas about Sorcerers in Non-fairytale Prose]. In Morozov, I. A., Bushkevich, S. P. (Eds.). *Muzhskoi sbornik.* Iss. 1. Muzhchina v traditsionnoi kul'ture: Sotsial'nye i professional'nye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhskaya atributika i formy povedeniya. Muzhskoi fol'klor. Moscow, Labirint, pp. 95–105.

Dobrovol'skaya, V. E. (2017). Les vs sad v russkoi volshebnoi skazke: syuzhetnaya funktsiya lokusov [Forest vs Garden in the Russian Fairytale: The Plot Function of Loci]. In Smirnova, A. I., Raikova, I. N. (Eds.). *Semantika sada i lesa v russkoi literature i fol'klоре: sbornik nauchnykh statei.* Moscow, Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet, pp. 5–19.

Dobrovol'skaya, V. E., Morozov, I. A., Smolitskii, V. G. (Eds.). (1999). *Fol'klor Sudogodskogo kraya* [Folklore of Sudogod Region]. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. 336 p.

Dorokhova, E. A., Zhulanova, N. I., Pashina, O. A. (Eds.). (1995). *Golos i ritual* [Voice and Ritual]. Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvovznaniya. 187 p.

Fadeeva, L. V. (2003). Rasskazy o razorenii svyatyni v sovremennoi ustnoi traditsii Pinezh'ya (k probleme spetsifiki syuzheta i zhanra) [Stories about the Destruction of the Shrine in the Modern Oral Tradition of Pinezhye (on the Peculiarity of Plot and Genre)]. In Ivanova, T. G. (Ed.). *Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa.* Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, pp. 123–126.

Fadeeva, L. V. (2004). Rasskazy o blazhennykh i prozorlivykh v Inzenskom raione Ul'yanskoj oblasti: Katen'ka Pyatinskaya [Stories about the Blessed and the Shrewd in Inza District, Ulyanovsk Region: Katenka Pyatinskaya]. In Ivanova, A. A. (Ed.). *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki*. Iss. 3. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 200–217.

Gilyarova, N. N. (Ed.). (2004). *Zvuk v traditsionnoi narodnoi kul'ture* [Sound in Traditional Folk Culture]. Moscow, Nauchtekhlitizdat. 253 p.

Grimm, Y., Grimm, W. (1988). *Skazki. Elenbergskaya rukopis', 1810, s kommentariyami* [Tales. Ehlenberg Manuscript of 1810 with Commentary]. Moscow, Kniga. 447 p.

Grundtvig, S. (1856). *Gamle danske Minder I Folkemunde*. København, S. n. 158 S.

Hilka, F. (1913). *Sammlung mittellateinischer Texte. V*. Heidelberg, Heidelberg Winter. 112 S.

Ivanova, A. A. (2004). Legendy o prozorlivykh Urzhumskogo kraja [Legends about the Seers of Urzhum Region]. In Ivanova, A. A. (Ed.). *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki*. Iss. 3. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 187–199.

Karnaukhova, I. V. (Ed.). (1934). *Skazki i predaniya Severnogo kraja* [Tales and Legends of the Northern Region] / preface by Yu. M. Sokolov. Moscow, Leningrad, Academia. 544 p.

Korol'kova, A. N. (1969). *Russkie narodnye skazki. Skazki rasskazany voronezhskoi skazochnitsei A. N. Korol'kovi* [Russian Folk Tales. Fairytales as Told by Voronezh Story-teller A. N. Korolkova] / ed. by E. V. Pomerantseva. Moscow, Nauka. 406 p.

Kovalev, I. F. (1941). *Skazki I. F. Kovaleva* [Tales by I. F. Kovalev] / written down and commented by E. Gofman, S. Mints, ed. by Yu. M. Sokolova. Moscow, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya. 358 p.

Krasnozhenova, M. V. (1937). *Skazki Krasnoyarskogo kraja* [Tales of Krasnoyarsk Region] / ed. by M. K. Azadovskii, N. P. Andreev. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 294 p.

Makhov, A. E. (2013). Slepota i zrenie [Blindness and Eyesight]. In *Hostis antiquae: Kategorii i obrazy srednevekovoi khristianskoj demonologii. Opyt slovarya*. Moscow, Intrada, pp. 335–340.

Mikhailova, K. (2004). O semantike stranstvuyushchego pevtsa-nishchego v slavyanskoj narodnoj kul'ture [On the Semantics of a Wandering Singer-beggar in Slavic Folk Culture]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996)*. Moscow, Indrik, pp. 132–156.

Minenok, E. V. (1993). Pover'ya o penii [Beliefs about Singing]. In *Narodnoe tvorchestvo*. No. 9, pp. 19–20.

Moroz, A. B. (2000). Ustnaya istoriya russkoj tserkvi v sovetskij period (narodnye predaniya o razrushenii tserkvei) [Oral History of the Russian Church in the Soviet Period (Folk Legends about the Destruction of Churches)]. In *Uchenye zapiski Rossijskogo pravoslavnogo universiteta apostola Ioanna Bogoslova*. Iss. 6, pp. 177–185.

Neklyudov, S. Yu. (1979). O krivom oborotne (k issledovaniyu mifologicheskoi semantiki fol'klornogo motiva) [On the One-Eyed Werewolf (towards the Study of the Mythological Semantics of the Folklore Motif)]. In Baiburin, A. K., Chistov, K. V. (Eds.). *Problemy slavyanskoj etnografii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta Akademii nauk SSSR D. K. Zelenina)*. Leningrad, Nauka, pp. 133–141.

Neklyudov, S. Yu. (2014). Slepota demona i ee literaturnye perspektivy [The Blindness of the Demon and its Literary Perspectives]. In Antonov, D. I. (Ed.). *Sila vzglyada: Glaza v mifologii i ikonografii*. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, pp. 125–147.

Nevszkaya, L. G. (1995). “Slepota” i “glukhota” v balto-slavyanskoj traditsionnoj kul'ture i yazyke [“Blindness” and “Deafness” in Baltic-Slavic Traditional Culture and Language]. In Neroznak, V. P. (Ed.). *Etnicheskoe i yazykovoe samosoznanie*. Moscow, Institut narodov Rossii, pp. 106–107.

Onchukov, N. E. (1908). *Severnye skazki: Arkhangel'skaya i Olonetskaya gg.* [Northern Tales: Arkhangel'sk and Olonets Provinces]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. 643 p.

- Razumova, A. P., Sen'kina, G. I. (Eds.). (1974). *Russkie narodnye skazki Karelskogo Pomor'ya* [Russian Folk Tales of the Karelian Coast]. Petrozavodsk, Kareliya. 423 p.
- Shevarenkova, Yu. M. (2003). Znamenitye blazhennyye Diveevskoi zemli [The Famous Holy Men of Diveyevo Land]. In Ivanova, A. A. (Ed.). *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki*. Iss. 2. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 247–254.
- Tolstaya, S. M. (1999). Zvukovoi kod traditsionnoi narodnoi kul'tury [The Sound Code of Traditional Folk Culture]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Mir zvuchashchii i molchashchii. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan*. Moscow, Indrik, pp. 3–16.
- Tolstaya, S. M. (2008). Glukhoi i slepoi [Deaf and Blind]. In *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheshlavyanskoi perspektive*. Moscow, Indrik, pp. 134–174.
- Tolstaya, S. M. (Ed.). (1999). *Mir zvuchashchii i molchashchii. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan* [The World Sounding and Silent. Semiotics of Sound and Speech in the Traditional Culture of the Slavs]. Moscow, Indrik. 331 p.
- Tolstoy, N. I. (2003). Russkoe yurodstvo kak forma svyatosti [Russian Foolishness for Christ as a Form of Holiness]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Ocherki slavyanskogo yazychestva*. Moscow, Indrik, pp. 489–493.
- Winther, M. (1823). *Danske Folkeeventyr*. København, S. n. 126 S.
- Yarskaya-Smirnova, E., Romanov, P. (2009). Geroi i tuneyadtsy: ikonografiya invalidnosti v sovremennom vizual'nom diskurse [Heroes and Parasites: Disability Iconography in Modern Visual Discourse]. In Yarskaya-Smirnova, E., Romanov, P. (Eds.). *Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme*. Moscow, Variant, Tsentr sotsial'noi politiki i gendernykh issledovaniy, pp. 289–331.
- Yasinskaya, M. V. (2013). “Sveta belogo ne videt’...” (tema glaz i zreniya v formulakh yuzhnoslavyanskikh proklyatii) [“Not to See the Light of Day...” (the Theme of Eyes and Eyesight in the Formulas of the South Slavic Curses)]. In *Slavyanovedenie*. No. 2, pp. 79–89.
- Yasinskaya, M. V. (2014). Glaza i zrenie v yazyke i traditsionnoi narodnoi kul'ture slavyan [Eyes and Eyesight in the Language and Traditional Folk Culture of the Slavs]. In *Slavyanovedenie*. No. 6, pp. 47–57.
- Yasinskaya, M. V. (2016). Zaprety, svyazannyye so zreniem, v traditsionnoi kul'ture slavyan [Prohibitions Related to Vision in the Traditional Culture of the Slavs]. In Remneva, M. L. (Ed.). *III Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium “Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire”*. Trudy i materialy. Moscow, MAKS Press, pp. 594–596..

The article was submitted on 03.03.2018